

## ЭСКИЗЫ ИЗЪ СТЕПИ.

(Охота съ беркутомъ).

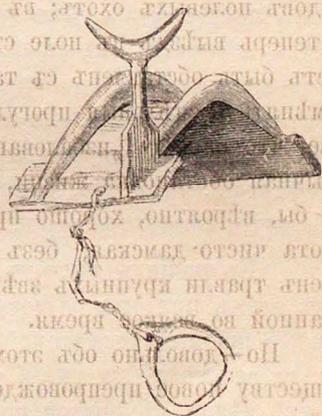
Охоты съ прирученной птицей—вѣкъ почти отжившая въ Европѣ; если мы знаемъ о нихъ что нибудь, то, конечно, главнымъ образомъ изъ тѣхъ прекрасныхъ описаній, которыя оставило намъ, объ этомъ предметѣ, доброе старое время. „Благородная охота съ соколомъ“, имѣвшая такихъ рьяныхъ приверженцевъ въ прошедше вѣка, мало по малу теряла свое значеніе въ ряду забавъ цивилизованнаго общества и наконецъ почти совсѣмъ забылась. А между тѣмъ, охота съ ученой птицей, по своей простотѣ и изяществу, занимаетъ видное мѣсто въ числѣ другихъ видовъ полевыхъ охотъ; въ старину дамы высшаго круга любили соколиную охоту; и теперь выѣздъ въ поле съ хорошо дрессированными соколами и ястребами можетъ быть обставленъ съ такимъ комфортомъ, что во многихъ случаяхъ могъ бы замѣнить безцѣльныя прогулки верхомъ и, часто очень скучныя, пикники. Тѣмъ болѣе, что нашему „избалованному обществу“ такъ приглядѣлась и даже наскучила обычная обстановка жизни, что всякая новинка (если она достаточно изыщна) была бы, вѣроятно, хорошо принята. Охота съ соколомъ, по своему существу, есть охота чисто дамская; безъ шума, безъ опасностей, безъ разстраивающихъ нервы сценъ травли крупныхъ звѣрей, и при всемъ этомъ, скорая и могущая быть прерванной во всякое время.

Но—довольно объ этомъ; я не затѣмъ взялъ перо, чтобы предлагать нашему обществу новое препровожденіе времени; мое дѣло послать вѣсть изъ далекихъ степей, рассказать о ихъ несложныхъ забавахъ. Эти забавы тѣже, что и вездѣ; тѣже сказки, охоты и т. п., только неоглядныя степи наложили на нихъ свою печать, придали имъ свой широкій, удалый характеръ, замѣтный во всемъ. Такъ и въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, въ дѣлѣ охоты съ птицей: киргизъ не удовлетворился соколомъ, захотѣлъ чего нибудь пограндознаѣе и выдумалъ номадъ приручить самага сильнаго степнаго хищника, беркута, и сталъ ловить съ нимъ не перенелокъ и утокъ, а лисицъ и волковъ. Полное незнакомство нашей публики съ этимъ интереснымъ родомъ охоты (чему я недавно имѣлъ доказательство), побудило меня сообщить о немъ нѣсколько словъ.

Беркутъ распространенъ повсемѣстно въ средней Азии, въ двухъ варьете-тахъ \*), до которыхъ, впрочемъ, киргизу нѣтъ ни малѣйшаго дѣла: онъ охотится съ обоями и называетъ ихъ общимъ именемъ *биргутъ*—наше названіе этой птицы есть, какъ видите, испорченное тюркское слово. Для того, чтобы познакомить читателей съ самымъ производствомъ беркутовой охоты, я попрошу ихъ перенестись въ одну очень отдаленную степь, лежащую не въ одной тысячѣ верстъ отъ нашихъ столицъ, и не въ двухъ, а тысячахъ въ пяти съ чѣмъ нибудь. Этотъ уголокъ стоитъ того, чтобы взглянуть на него; онъ покрытъ и разнообразной, мелкой и высокой степной порослью, которая подымается изъ тучной, черной почвы; степь эта не выгораетъ, подобно Сыръ-дарьинскимъ степямъ, потому что тамонная атмосфера не скучится осаждать свою влагу. Краса и гордость этой степи есть извилистая быстрая рѣка Чу. Много овраговъ и холмовъ разнообразить эту мѣстность, много стадъ откармливается на богатыхъ пастбищахъ; тутъ раздолье охотнику, есть за чѣмъ поохотиться и съ ружьемъ, и съ собаками: непуганная дичь массамаю падается на глаза.

Киргизскіе роды *Богоналы* и *Кипчакъ* разбросали свои аулы по побережьямъ Чу; это и есть самые завзятые охотники съ ученымъ беркутомъ.

Если часто выѣзжать въ степь, то нерѣдко можно встрѣтить группу всадниковъ, окруженную разнокалиберными собаками; одинъ изъ наездниковъ везетъ на правой рукѣ большую, даже очень большую, птицу, съ колпачкомъ на головѣ. Такъ какъ такую птицу держать тяжело, киргизъ придѣлалъ особый костыль къ своему деревянному сѣдлу, на который и опирается рукой. Это приспособленіе можно очень ясно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ, поэтому я считаю лишнимъ описывать его; замѣчу только, что сѣдло имѣетъ обыкновенно деревянные стремена \*\*), а въ зимнее время даже всегда, такъ какъ въ нихъ не такъ стынетъ нога, какъ въ металлическихъ. Чтобы гарантировать руку отъ уколовъ острыхъ когтей сильнаго хищника, охотникъ надѣваетъ нѣчто въ родѣ муфты или рукава изъ толстой кожи подложенной войлокомъ. Иногда (особенно зимою) къ такому кожаному рукаву пришивается перчатка. Такимъ образомъ везутъ беркута, на ногахъ котораго надѣты кожаные погавки съ ушками (петлями), сквозь которыя продѣтъ ремень, изображающій собою пути. Одинъ конецъ этого ремня намотанъ на лѣвую руку охотника, а другой на мизинецъ той же руки.



Сѣдло съ костылемъ.

Въ такой обстановкѣ, беркутъ, изрѣдка покачиваясь и балансируя крыльями и при ровныхъ шагахъ лошади, отправляется на охоту; колпачекъ \*\*\*) часто укра-

\*) Зарафшанскій отличенъ отъ другихъ.

\*\*) Деревянные стремена вообще въ большомъ употребленіи у киргизовъ различныхъ мѣстностей.

\*\*\*) Дѣлается для легкости изъ бараньей брюшины.

шенный пучкомъ перьевъ, придаетъ ему особенно величавый видъ. Не торопясь, молча ѣдутъ охотники до тѣхъ поръ, пока собаки не подняли какого нибудь подходящаго звѣря. Только что показалась сѣрая волчья спина—мигомъ сдвигается колпачекъ на шею, спускается съ мизинца ремень и освобождаются ноги ловца. Змѣей искривилась шея, широко раскрылись глаза, взмахнула пара могучихъ крыльевъ, и вотъ, весь ошестинившись, беркутъ ужъ заворачиваетъ надъ звѣремъ. Еще моментъ—камень падаетъ хищникъ; видна недолгая возня въ травѣ, нѣсколько взмаховъ крыльевъ; охотники успеваютъ подскочить въ это время и сойти съ лошадей. Я пропустилъ одно обстоятельство: именно, когда беркутъ поднялся съ руки, раздался монотонный звукъ маленькаго барабана и не прекращался до той минуты, когда хищникъ бросился на волка. Откуда этотъ звукъ? Это тотъ-же охотникъ билъ въ небольшой полусферическій барабанчикъ, привязанный съ лѣвой стороны сѣдла,—для поощренія беркута, который, предполагается, входитъ отъ этого въ большой азартъ. На охотахъ съ соколами и ястребами также барабаняютъ.

Таковъ обычный ходъ охоты, но не всегда она оканчивается такъ благополучно; нерѣдко случается, что неловко спущенный беркутъ сразу не увидитъ звѣря и бросается на первую попавшуюся на глаза охотничью собаку, которая и погибаетъ въ его сильныхъ лапахъ. Рассказываютъ, что плохо выдрессированные, злые беркуты, кидаются иногда и на лошадей и даже на самихъ всадниковъ. Одинъ киргизъ рассказывалъ мнѣ, будто-бы спущенный имъ однажды беркутъ вцѣпился съ размаха въ паспагося вблизи верблюда, изъ чего, понятно, произошла очень оригинальная, не лишенная комизма, сцена; когда я выразилъ сомнѣнiе въ справедливости этого разсказа, киргизъ далъ мнѣ весьма курьезное объясненiе, описаннаго происшествiя. Онъ увѣрялъ, что, когда беркуту сразу откроютъ глаза, сдвинувъ колпачекъ, то въ первыя мгновенiя у него нѣтъ еще сознанiя объ относительныхъ размѣрахъ окружающихъ предметовъ: „ему все кажется маленькимъ“, по выраженiю киргиза. По этому, будто-бы, беркутъ бросается на что попало, будь это перепелка или верблюдъ—все равно. Я слышалъ такое же объясненiе и впоследствии, такъ что, кажется, этотъ взглядъ распространенъ между киргизскими беркутовыми охотниками.

Въ нашихъ мѣстахъ, по Сыръ-Дарьѣ, напримѣръ на окраинѣ Голодной Степи, въ этомъ притонѣ разнокалиберной толпы кочевниковъ, употребляются нѣсколько иные приемы описываемой охоты. Главная разница заключается въ томъ, что беркута везутъ не на рукѣ, а на палкѣ, прикрѣпленной горизонтально къ передней лукѣ сѣдла, съ правой стороны; такимъ образомъ обѣ руки охотника свободны къ услугамъ хищника. Я слышалъ, что этотъ же приемъ въ ходу и у киргизъ рода *Байджитъ*, кочующихъ въ Вѣрненскомъ уѣздѣ.

Въ мѣстностяхъ богатыхъ зарослями кустистыхъ травъ или камыша и, слѣдовательно, обильныхъ дичью, употребляется весьма интересное и добычливое видоизмѣненiе описанной охоты. Это охота грандіозная, на которую собирается много народа, да не въ качествѣ зрителей, а все дѣйствующими лицами. Наканунѣ дня, назначеннаго для охоты, сговорившіеся ѣхать охотники, часто разбросанные по разнымъ ауламъ, переберутъ и подготовятъ весь наличный охотничій инвентарь,

начиная съ ножей и соколиныхъ путь и кончая собаками и лошадьми. На зорькѣ слѣдующаго дня всѣ соберутся въ условленномъ мѣстѣ и каждый, съ притворнымъ равнодушіемъ, а все таки щегольнетъ чѣмъ нибудь: у кого колпачекъ на соколѣ разукрашенъ такими перьями, что не скоро догадаешься съ какой птицы они взяты; у другаго новая собака, да такая статная, словно ее съ самаго верхняго Зарафшана шайтанъ перенесъ въ нашу степь. И много соберется *батырей* и *джигитовъ*; всѣ они искоса оглянутъ другъ друга своими подслѣповатыми глазками и послышатся привѣтствія всевозможныхъ оттѣнковъ.

Но вотъ общее вниманіе обратилось на лошадь въ уздѣ, украшенной перьями филина,—съ подобранной на спинѣ шитой попонкой; ее подвели къ ставкѣ *бий* \*), который взялъ на себя распоряженіе сегодняшней охоты, значить онъ и угостить послѣ.—Вотъ выѣхали и джигиты его, одинъ съ огромнымъ беркутомъ, двое другихъ съ какими-то свѣтлыми соколами, предметомъ зависти сосѣднихъ бievъ; говорятъ—эти птицы привезены изъ Кокана.

Когда вся эта нестройная ватага, поднимая за собою клубы пыли на взвзженной солнцемъ степи, доберется до мѣста охоты (бурьяна, кустовъ или камыша), извѣстный порядокъ является между охотниками, распредѣляются ихъ роли. Часть выѣзжаетъ нѣсколько впередъ и бросаетъ собакъ въ островъ, за ними ѣдутъ сокола и одинъ или нѣсколько беркутовъ. Собаки, пущенныя въ поросль, хорошо знаютъ свои роли и раздѣляются на двѣ партіи: аульныя дворняжки, простыя сторожевыя собаки, бросаются въ самую чащу и исчезаютъ изъ глазъ, а *тазы* (борзые) идутъ опушкой. Поддержка этого порядка и вообще дисциплины между собаками, лежитъ на обязанности нѣсколькихъ джигитовъ, слѣдящихъ за ними. Какъ только собаки разсѣлились по чащѣ, изъ нея начинается то и дѣло выскакивать всякая, пернатая и покрытая шерстью, дичь. Что летить—на то спускаютъ соколовъ и ястребовъ, а что бѣжить—до того дѣло борзымъ и беркутамъ. Масса дичи, получаемая такой охотой, имѣющей характеръ французской «chasse en battue» иногда бываетъ поистинѣ замѣчательна. Едва успѣваютъ спускать соколовъ на вылетающихъ птицъ; то и дѣло скачутъ по всевозможнымъ направленіямъ джигиты подымать утокъ, цапель, перепелокъ—что Аллахъ послалъ. Это непрерывное, повсемѣстное движеніе, разнообразныя крики и возгласы, воздухъ, наполненный мелькающими птицами и трепетаніе крыльевъ мелкихъ хищниковъ, производятъ на европейскаго зрителя чрезвычайно оригинальное, увлекающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько одуряющее впечатлѣніе. Понятно, что вся сцена мѣняется и дѣлается вдсятеро интереснѣе, когда спускается огромный беркутъ, на имѣвшаго несчастіе оставить густыя заросли, звѣря. Зайцы и лисицы достаются иногда на долю борзыхъ, хотя это распредѣленіе часто мѣняется по мѣстностямъ. Такъ по Сыръ-Дарьѣ, на лисицъ пускаютъ также и беркута. Въ Кашгарѣ и восточнѣе, зайцевъ берутъ сокола \*\*).

\*) *Бий*—выборный старшина.

\*\*) См. Belew. C. S. I. Kashmir and Kashgar. A narrative etc. p. 7 и 345. Авторъ рассказываетъ объ охотѣ съ беркутомъ на кабана; не знаю дѣлается ли это въ другихъ мусульманскихъ странахъ. По его словамъ, сокола берутъ зайцевъ. Я помню рисунокъ изображающій пѣшаго китаецъ, спускающаго сокола на зайца.

Мнѣ рассказывали, что, съ хорошо дрессированнымъ беркутомъ, дѣлается слѣдующая варьяція описанной охоты: когда пустили собакъ въ заросли, въ тоже время спускаютъ и беркута, который тотчасъ же останавливается въ воздухѣ надъ собаками. Подвигаются собаки въ чащѣ—и беркутъ медленно тянетъ за ними надъ верхушками камыша; такимъ образомъ охотники все время знаютъ мѣсто, гдѣ находятся собаки; если онѣ остановились,—это видно по задержанному полету беркута, который начинаетъ кружить надъ ними; въ такомъ случаѣ, значитъ, собаки напали на что нибудь и надо ждать гона. Отъ этого приема, безъ сомнѣнія, много выигрываетъ обстановка охоты, которая дѣлается картиннѣе и удобнѣе. Покуда беркутъ слѣдитъ за собаками—соколятники дѣлаютъ свое дѣло; какъ повелѣ беркутъ къ опушкѣ, такъ придвигаются и охотники; выскочившаго звѣря перехватываютъ борзья, имъ на помощь бросается сверху беркутъ.

На берегахъ Аму-Дарьи, Узбеки и Туркмены дрессируютъ беркута для охоты за антилопами, причемъ приемы, употребляемые при обученіи, тѣже, что и при дрессировкѣ сокола для ловли газелей; о нихъ упоминается въ старыхъ французскихъ сочиненіяхъ о соколиной охотѣ \*). Дѣлаютъ чучело сайги или *джейрана* \*\*), кладутъ ему на морду кусокъ мяса, на которое и спускаютъ выдержаннаго и сильно проголодавшаго беркута. Черезъ нѣсколько времени хищникъ привыкаетъ, безъ малѣйшаго колебанія, летѣть прямо на носъ животнаго, какъ скоро спимается колпачекъ. Сайга, схваченная беркутомъ, останавливается тотчасъ же; вѣроятно это обусловливается во первыхъ сильнымъ сжатіемъ носа, препятствующимъ дыханію, во вторыхъ тяжестью беркута, наконецъ сильные удары крыльями должны оглушать животное.

Не знаю къ какой эпохѣ надо отнести прирученіе беркута, но надо полагать, что это случилось въ очень далекое отъ насъ время. Marco Polo еще въ тринадцатомъ вѣкѣ видѣлъ въ полномъ разгарѣ беркутовую охоту у своего «великаго хана». «Il a encore aiglies que sont afaités à prendre leus et voupes et dain et chavriou, et en prennent assez»—говоритъ знаменитый Венеціанецъ. Въ его время беркуты ловили волковъ, лисицъ, оленей и дикихъ козловъ; онъ особенно былъ пораженъ величиной и силой тѣхъ экземпляровъ, которые были приучены къ волчьей охотѣ; такъ что, по его словамъ: „ни одинъ волкъ не въ состояніи уйти отъ нихъ.“

А. Вилькинсъ.

Ташкентъ. VI—1876.

\*) Я не могу сдѣлать надлежащей ссылки, за неимѣніемъ нужныхъ для того книгъ подъ руками; ссылаюсь на нихъ по памяти.

\*\*\*) *Antilope subgutturosa*. Сарты называютъ ее: *кара-куйрюкъ*; *кара* значитъ—черный, *куйрюкъ*—хвостъ.



Лит. К. Эрготъ Москва.

# ОХОТА СЪ БЕРКУТОМЪ.